

◀ Тюттический роман ▶

Нина Воронель

Поле
бабочки

Харьков
«ФОЛИО»
2019

Клара

Клара терпеть не могла иерусалимские вечера — какой бы жаркий ни выдался день, он всегда завершался свирепой атакой холодного ветра с необъяснимых снежных гор, которые невозможно было найти ни на одной карте. И хоть ветер вдохновлялся лишь мистическим присутствием этих гор, его собственное, пронизывающее до костей, присутствие было вполне реальным — оно вызывало звон в ушах и тупое нытье в затылке. Может быть, не у всех, а только у Клары, но ей от этого было не легче.

Она торопливо проглотила приготовленную заранее таблетку от головной боли и наклонилась к крану, чтобы ее запить. Вода из крана текла неспешной рыжеватой струйкой с затхлым привкусом солдатского мыла, но уже не было времени идти искать что-нибудь получше — звонок заливисто напоминал, что антракт окончен и пора занимать места. Клара пригасила сигарету, привычным очерком подкрасила губы и в который раз оглядела свое отражение в зеркале — все, вроде бы, было в порядке, и волосы, и глаза, и декольте, особенно издали и в этом рассеянном свете. Но наверняка что-то было не так, иначе она не сидела бы в одиночестве под романтическим ультрамариновым шатром ночного иерусалимского неба, затерянная в многоликой концертной толпе на пологом склоне Бассейна Султана.

Клара не привыкла ходить на концерты одна или с подругами. Впрочем, настоящих подруг у нее и не было — она всегда вызывала враждебные чувства у других женщин, да и сама их недолюбливала. Она в последний раз всмотрелась в собственные, до сих пор не надоевшие ей черты. Лицо было все еще красивым, даже вызывающе красивым, взгляд жесткий, снайперский — взгляд охотницы на мужчин. Но мелкие лучики разбегались от углов глаз и губ, пока еще не страшные, но уже угрожающе заметные. Черт его знает, может пора изменить пристрастия и завести пару подружек, чтобы не ездить на концерты в тошнотворном одиночестве, сводящем скулы вынужденной многочасовой немотой.

Клара вышла из туалета и сразу оказалась во власти пронзительного ледяного ветра, от которого не спасало даже специально захваченное из Тель-Авива шерстяное пальто на подкладке. Защитить от такого ветра могла бы только тяжелая мужская рука на ее плече — нечего себя обманывать, никакие подруги бы тут не помогли. Когда она, с трудом переступая через хитросплетения чужих тел, плотно усеявших выгоревший за лето чахлый травяной ковер, добралась наконец до своего места, второе отделение уже началось. Клара заглянула в программку: это, скорей всего, была увертюра к «Тангейзеру». Хоть исполнение музыки Вагнера и было неофициально запрещено в Израиле, его официально разрешили сегодня одноразово в рамках Международного иерусалимского фестиваля.

Интересно, что пригнало сюда такое множество народу — любовь к музыке или нутряная еврейская страсть к протесту против всего сущего? Но что бы их ни привело, все на благо. В гуще толпы ветер донимал не так яростно, как на открытом пространстве. Клара поплотней закуталась в пальто и окунулась в отталкивающий и неотрази-

мый мир незнакомой ей музыки. До сих пор она принципиально не слушала ни одного произведения Вагнера. Но сегодня никому не было до нее дела и она могла слушать все, что угодно: ей было некому доказывать свою принципиальность.

С принципиальностью дело оказалось даже хуже, чем она предполагала, потому что, отвергая все доводы рас-судка, музыка Вагнера привела ее в восторг. Да-да, именно в восторг — музыка этого нацистского ублюдка, которого она с детства ненавидела, никогда не слушала и слушать не желала!

Выводя свой «ситроен» из запруженной людьми и машинами стоянки напротив Яффских ворот, Клара пробовала на язык переполнявшее ее острое отвращение к себе. Оно наполняло рот противным горьковатым привкусом, и вынести его было трудно, потому что обычно она была склонна собой восхищаться. Может быть, и это новое, критическое, отношение к себе, ненаглядной, отражало все то же внезапно открывшееся ей, прямо-таки разверзшееся перед нею, оскудение поля общественного восхищения, преимущественно мужского, которое до сих пор составляло незыблемую основу ее жизни. Господи, ей и впрямь нужна была бы сейчас подруга — такая, каких не бывает: независтливая, неревнивая, бескорыстно преданная, способная безмолвно слушать и безропотно все принимать, не выставляя при этом вперед свое «я».

Выезд на тель-авивское шоссе, несмотря на поздний час, был нескончаемо долгим — похоже, чувствительные жители Иерусалима дружно проигнорировали мерзавца-Вагнера, и вся многочисленная публика, заполнившая в этот вечер склоны Бассейна Султана, возвращалась после концерта в Тель-Авив. Интересно, говорит ли этот факт о более высоком моральном уровне иерусалимцев?

красоты. Качества, ради которого она когда-то оставляла преданных и нежных любовников и бросалась навстречу грубым и неверным.

Ничем не выдавая внезапно вспыхнувшего в ней эротического интереса к своему случайному спасителю, Клара до отказа отодвинула назад спинку пассажирского сиденья и закинула ногу за ногу хорошо отрепетированным движением, позволявшим показать собеседнику во всей красе ее щиколотки и колени — главное оружие ее арсенала, наименее подвластное разрушительной работе возраста.

— Ладно, давайте поговорим о Вагнере. Времени у нас полно, — произнесла она легко и легкомысленно, делая вид, что всматривается в зыбкую темноту за окном. Но она ничего за окном не видела, потому что перед ее внутренним взором разворачивался другой, совершенно нереальный, но захватывающий сценарий: ладонь Яна нежным касанием ложилась на ее лодыжку и начинала мучительно, восхитительно медленно ползти вверх к колену, а потом все выше, выше, выше... Где-то на задворках ее сознания начали разгораться маленькие веселые фейерверки, проворно согревающие ее кровь бесконтрольным охотничьим азартом, о котором она последний год и думать забыла. Господи, неужто она еще способна так неоглядно, по-девичьи, вспыхнуть и потерять голову от случайного прикосновения мужской руки?

Письма Клары

✍ Письмо 1-е (неотправленное)

Ты еще висишь в воздухе где-то между Тель-Авивом и Прагой, а я тебе уже пишу, потому что не могу смириться с мыслью о разлуке. Я промчалась через три коротких не-

дели нашей любви, как призовая лошадь на скачках. Каждую новую неделю мне приходилось брать с ходу — как новый, еще более высокий барьер. И вдруг — полная остановка. Все мои мышцы и нервы напряжены до предела, но мчаться мне больше некуда — передо мной бесцельно растилается пыльная плоская степь.

Страшно признаться, но наша случайная встреча на ночном шоссе перечеркнула всю мою прошлую жизнь. Или до тебя никакой жизни у меня не было? Черт его знает, ведь что-то все-таки было, что-то болело, казалось важным и незаменимым — муж, работа, сын. Ну вот, проболталась, дура старая, — ты ведь не знаешь про моего сына, даже не подозреваешь о его существовании! Что ж, значит, это письмо я тебе не отправлю, потому что мой сын — это мой секрет. Хотя я и не выгляжу беспечной молодухой, но все же, надеюсь, не тяну на мать совсем взрослого сына, и ни к чему тебе о нем знать! А раз уж я это письмо тебе не отправлю, то могу побаловать себя и написать все, что мне вздумается, не опасаясь наскучить тебе своей неумеренной любовью.

Я, собственно, еще раньше решила не отправлять тебе все свои письма — боюсь, их будет слишком много, потому что не писать тебе я не могу. Ведь только на краткий миг, пока я тебе пишу, заполняется та зияющая пустота, в которую превратилась моя жизнь после твоего отъезда. Смешно, после твоего отъезда прошли считанные часы, а я уже жалею на пустоту, требующую заполнения! И насколько не смешно — у меня на душе так одиноко, так тоскливо, и я не могу придумать, чем бы занять свою пустую голову. Может, попробовать вернуться на то ночное шоссе, где все это началось? Мне некуда спешить, я могу вновь пережить нашу звездную ночь — медленно-медленно, минута за минутой, секунда за секундой.